

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Идиатуллова Азата Корбангалиевича

«Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI в.», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Изыскания в сфере религиозной культуры тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья занимают ключевое место в отечественных этнографических исследованиях ещё с момента зарождения Казанской ориентологической школы в XIX веке. Тем не менее, интерес к этой теме не только не снижается, а растет. В начале XXI в. религиозность татар и башкир часто исследуется представителями разных направлений гуманитарной науки: истории, религиоведения, культурологии, социологии, философии, политологии. Столь пристальное внимание к духовному миру народов, проживающих на огромном поликультурном пространстве Волго-Уралья, позволяет говорить о потребности переосмысления религиозного мировоззрения «мусульманских» народов.

Стоит согласиться с автором, что «Российская Федерация состоит из нескольких этнокультурных провинций, в которых принятие ислама разными народами происходило постепенно и в силу воздействия различных условий» (с. 3). Здесь следует добавить, что процессы взаимодействия и взаимовлияния ислама и локальных традиций и культур не прерываются и по сей день. Более того, современные условия, связанные с распадом сверхдержавы, возрождением религиозной жизни, парадом суверенитетов, усугубившимся обострением национального вопроса, в ряде случаев лишь углубил имеющиеся между отдельными этносами и конфессиями, а также их группами, противоречия. Разрешение таких противоречий невозможно без объективного, максимально внимательного и детального отношения к нюансам мировоззрения изучаемых этносов. Поэтому соискатель взялся, безусловно, за очень важную и актуальную тему. Значение данной работы усиливается и известными внешнеполитическими обстоятельствами, когда исламская и тюркская тема усиленно муссируется в СМИ в контексте «крымско-татарского вопроса», борьбы с так называемым (кстати, запрещённым в России) исламским государством, «арабской весной»,

миграционными потоками в Западную Европу, в том числе из мусульманских регионов и пр.

Хорошее впечатление производит методологическая основа диссертационного исследования. Соискатель активно применяет практически все специальные методы этнографической науки. Особенно убедительным выглядит применение сравнительно-этнографического метода, который позволил диссертанту выявить нюансы ренессанса религии у мусульманских народов Российской Федерации, степень сохранности архаичных верований в их мировоззрении, уровень влияния иноконфессиональных заимствований на массовое сознание татар, башкир и карачаевцев.

Высокой оценки – в плане теоретической и концептуальной новизны – заслуживает также предложенная автором модель так называемых «уровней» разработки темы. В самом деле, автор диссертации одним из первых в столь основательном этнологическом исследовании говорит о том, что корни такого сложного явления как религиозный синкретизм надо искать в самых разных сферах, на стыке взаимодействия систем разного порядка. С одной стороны, русская цивилизация сама по себе синкретична, на протяжении ряда столетий в пределах её ареала взаимодействуют суперсистемы мировых религий. С другой стороны, имеют место быть провинциальные культуры, своеобразные локусы, центры, которые характеризуются разным отношением к религии, исламу, отличаются национальным составом, историей, иными социальными и экономическими показателями. Подобные особенности, разумеется, не могут не сказываться на специфике предмета исследования. Наконец, есть уровни более мелкого порядка: отдельные этносы, этнографические и этнотерриториальные группы, религиозные традиции которых передаются из поколения в поколения благодаря различным социальным институтам и, в первую очередь, семье. Все эти уровни проанализированы в рамках диссертационного исследования А. К. Идиатуллова на основе богатейшей источниковой базы, основу которой составили архивные и, что особенно отрадно, полевые этнографические и этносоциологические материалы автора.

Работа состоит из введения, четырёх глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Во введении удачно обоснованы актуальность и практическая значимость темы, правомерность хронологических рамок работы, определены ее территориаль-

ные рамки, цель и задачи, объект и предмет исследования, дан анализ источникам и представлена краткая историография темы.

Первая глава заслуживает внимания в связи с оригинальной проблемно-хронологической системой анализа литературы по изученной теме. В частности, автором удачно подмечено, что ряд исследовательских подходов, возникших в дореволюционный и советский периоды, не утратили своего значения поныне, но были переосмыслены в новом ключе (с. 32; 41–42). Например, язычество всё чаще изучается в самом широком социокультурном контексте, а принадлежность респондентов к исламу определяется уже не столько с помощью самоидентификации, сколько в результате комплексного анализа из представлений, обрядности, социальных связей. Третий параграф главы примечателен целым рядом интересных наблюдений и предположений автора относительно духовной жизни суннитов Среднего Поволжья и Приуралья. Показательна в этой связи следующая цитата: «Идеальный мусульманин, соблюдающий все обряды, верующий в Аллаха, всегда ли строит свою повседневную жизнь по высоким моральным меркам ислама? Легко представить и обратную ситуацию, когда исламские обряды и сопутствующая исламская атрибутика будут для конкретно-взятого индивида менее важны, чем заданный исламом высокий нрав» (с. 76). Таким образом, диссертант последовательно отстаивает свою точку зрения о комплексном характере религиозности татар и башкир. В известном смысле А. К. Идиатуллов открывает научному сообществу сложный мир представлений тюрков-суннитов Волго-Уралья, не ограничиваясь лишь изучением ислама как религии, но и выявляя все возможные элементы их мировоззрения.

Во второй главе диссертации реконструированы религиозная ситуация среди татар, башкир, в сопоставительном плане других мусульманских народов, и положение исламских институтов на территории Волго-Уралья в поздний имперский, советский и современный периоды. При анализе ситуации в 1920–1940-е гг. автор уделяет внимание борьбе советской власти против традиционных исламских институтов. Интересны наблюдения автора о «мусульманском реформаторстве» в 1960–1970-е гг., когда духовенство рекомендовало отходить от канонических норм ислама, и происходила трансформация духовных традиций. Особым достижением исследователя в данной главе следует считать собранную им доказательную базу, демонстрирующую, что татары и башкиры

в советский период не были однородны в религиозном отношении (с. 121–123; 148 и др.).

Третья и четвертая главы диссертации несут основную смысловую нагрузку в раскрытии заявленной темы. Они нацелены на изучение места и роли в религиозном синкретизме суннитов Среднего Поволжья и Приуралья трех основных элементов: язычества, ислама и нетрадиционных для местного населения религиозных воззрений.

Большую научную ценность представляют суждения о духах в татарской и башкирской мифологии, поверьях и запретах доисламских верований, институтах, элементах и обрядах «шаманско-исламского культа», роли и месте народной и религиозной праздничной культуры, заимствований православных представлений, сохранности суфийской традиции и др. Они во многом выступают разъяснением социологических данных, полученных при опросе респондентов. Для предания системности автор обработал и оформил ответы респондентов в виде таблиц, диаграмм, гистограмм, позволяющих предметно рассуждать о степени сохранности языческих элементов в религиозном мировоззрении современных мусульман по возрастным, социально-профессиональным, образовательным группам. Автор выделяет также основные формы соотношения исламских и языческих обрядов.

На мой взгляд, удачно подобраны вопросы анкеты, во многом обусловившие научную новизну и раскрывшие многоплановые процессы в духовном развитии мусульманского населения Среднего Поволжья и Приуралья. В этой связи востребовано было более подробное изложение во введении содержания анкеты (с. 22). Важно подчеркнуть, что разработанная соискателем анкета является модельной, а проведенный анализ и результаты исследования могут быть использованы для проведения аналогичных изысканий по изучению религиозного синкретизма мусульманских народов в других субъектах Российской Федерации.

Диссертант также справедливо отмечает большое влияние ишанизма среди татарского и башкирского населения в начале XX в., которое проявилось в частности в деятельности Багаутдина Ваисова, основателя Ваисовского движения, которое носило первоначально суфийский характер (с. 306–307).

Весьма интересен первый параграф третьей главы, посвященный новейшему этапу в эволюции синкретизма татар и башкир. Автору удалось раскрыть

сложные и многоплановые процессы, происходившие в мировоззрении, семейной и культурной жизни суннитов Среднего Поволжья и Приуралья, их ассимиляцию и аккультурацию в городской среде, которые обусловили появление новых особенностей религиозного синкретизма и дать им взвешенную оценку.

Детальный анализ фактов влияния идей и представлений православия на современное массовое сознание тюрко-мусульман является сильной стороной четвёртой главы диссертации. В отношении к православию выделяется ряд территориальных групп татар и башкир, которые отличаются по степени распространённости среди них Библии, праздновании Рождества и Пасхи, восприятию Иисуса как Бога и сына Божьего (с. 413–416). Несомненно, что подобная типологизация суннитов проводится в рамках столь фундаментального этнографического исследования впервые.

В итоге соискатель приходит к выводу, что динамике религиозного синкретизма татар и башкир в XX – начале XXI в. присущи определённые стадии. В 1900–1917 гг. – наблюдался стремительный рост исламской религиозности, который был связан с беспрецедентным строительством мечетей и усилением роли мусульманской общины. После Октябрьской революции и вплоть до конца 40-х гг. XX в. мировоззрение суннитов вопреки борьбе советского правительства с религией, детерминировалось не внешними условиями, а традиционным укладом мусульманского образа жизни, пусть и значительно подорванного. Возникли необычные для суннитских народов сообщества, которые достаточно уверенно считали себя воинствующими безбожниками. Кажущаяся отрицательная динамика ислама как социального института в 1950–1970-е гг. нивелировалась живучестью ислама в качестве народной религии. Динамика возрождения религии, зафиксированного исследованиями, как в России, так и в отдельных её регионах, с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., не была линейной и имела существенные различия на местах. На современном этапе возрождение мусульманской религии ещё далеко от своего апогея. На мировоззрении значительной части респондентов лежит «отпечаток» атеистической идеологии времён СССР. Более того, современные религиозные представления суннитов характеризуются смешением религиозных представлений и верований, то есть религиозным синкретизмом (с. 429–431 и др.).

Таким образом, важнейший вклад автора в этнографическую науку заключается в осмыслении новейших изменений в массовом религиозном сознании татар и башкир на основе полевых этнографических, этносоциологических и фольклорных материалов, многие из которых публикуются впервые. Например, ключевым следует считать вывод диссертанта о том, что важная роль при формировании новых представлений принадлежит христианским идеям, которые проникают в религиозное мировоззрение татар и башкир в основном из православия. Новизной отличается и вывод о территориальной обусловленности распространения суфийской традиции в Среднем Поволжье и Приуралье, подкреплённый данными массового опроса.

Отличительной особенностью диссертации является уместное привлечение соискателем методологических подходов смежных научных дисциплин, которые удачно дополняют исследование, усиливая его теоретическую значимость. Междисциплинарный подход А. К. Идиатуллова на проблему религиозного синкретизма, представленный в диссертационной работе, стоит только приветствовать. Без него вряд ли бы удалось проникнуть столь глубоко в сферы духовности. Соседство важных обобщений и убедительной фактологии – ещё одно важное достоинство рецензируемой работы.

Содержащиеся в приложениях иллюстрации, таблицы существенно дополняют и обогащают диссертацию, способствуя раскрытию заявленной темы. Диссертация написана хорошим литературным языком, хотя некоторые стилистические погрешности все же имеются.

Вместе с тем хочу высказать ряд замечаний и пожеланий автору исследования. На мой взгляд, весьма дискуссионной выглядит его позиция о времени появления на исторической арене новой религиозности суннитов Среднего Поволжья и Приуралья. Отчасти это связано с нерешённостью данного вопроса самим диссертантом. В одном месте работы читаем: «Некоторые косвенные признаки, свидетельствующие о кризисе традиционной религиозности татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья, по всей видимости, следует искать в конце XIX – начале XX в.» (с. 96). Чуть ниже автор говорит о том, что «предпосылки для возникновения и развития новой религиозности были заложены в советский период» (с. 97). Думается, что диссертанту не мешало бы по данным вопросам высказываться более определенно.

В диссертации вводится в научный оборот целый ряд новых понятий. Работа, безусловно, выиграла бы, если имелся раздел «Понятийный аппарат». Создается впечатление, что соискатель в затруднении, когда оперирует, к примеру, такими понятиями как «этнотерриториальные группы», «этнографические группы» и др. Нередко получается, что под этнотерриториальными группами понимаются этнографические группы, и наоборот. Широко используются термины «исламизированное шаманство», «служители культа исламизированного шаманства» (с. 41 и др.). Шаманизм – очень сложный комплекс культов и мистики, существующий у многих народов, особенно на Алтае, в Сибири. Но правомерно ли использовать данный термин в отношении татар и башкир?

Вывод о трех территориальных группах татар и башкир по отношению к православию и иным христианским конфессиям сделан по большей части на основе массовых опросов респондентов в Поволжье и Приуралье без учета обратного процесса – исламизации представителей народов, традиционно исповедующих православие (с. 408).

Отмеченные выше замечания и пожелания не снижают общей весьма позитивной оценки диссертационного исследования, посвященного важной и актуальной теме.

Диссертационная работа А. К. Идиатуллова соответствует пунктам 2, 3, 4, 5 и 8 Паспорта научной специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология ВАК при Минобрнауки Российской Федерации.

Автореферат и указанные в нем публикации соискателя в полной мере отражают содержание диссертации, поставленная в ней цель достигнута, задачи решены. В целом, диссертационная работа А. К. Идиатуллова характеризуется информационной насыщенностью, рядом интересных выводов и наблюдений, представляющих научную и историографическую новизну. Теоретико-методологический уровень работы соответствует уровню докторской диссертации. Полагаем, что многие положения исследования, наблюдения и предложения автора относительно радикальных течений ислама будут востребованы органами государственной власти и общественными организациями в рамках их согласованных действий по поддержанию межнационального и этноконфессионального мира, стабильности на территории Среднего Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа.

Таким образом, диссертационная работа Идиатуллова Азата Корбангали-

евича «Динамика религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI в.» является самостоятельным, завершенным научным исследованием и соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва»,
доктор исторических наук, доцент

„ „ П .

Е. Н. Мокшина

U

18 марта 2019 г.

Официальный оппонент: доктор исторических наук (специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология), доцент Мокшина Елена Николаевна.

Место работы официального оппонента: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

Должность официального оппонента: профессор кафедры истории России.

Почтовый адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68 (корп. № 1), ауд. 629, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва», кафедра истории России.

Тел.: 8(8342) 27-07-12

E-mail: enm2112@mail.ru

